

МУЗЫКА БРАТСТВА

ТЁПЛАЯ СТРАНИЧКА

Я никогда не встречался с Георгием Васильевичем Свиридовым, не говорил с ним даже по телефону — может быть, из чувства собственной неготовности: а вдруг он скажет что-нибудь о музыке, в которой я полный профан. Хотя и профану дано отличить музыку гения от лабуды, которая бесстыдно — и не безобидно! — льётся нынче, заливая сознание, почти с каждой радиочастоты.

И всё же есть в моей жизни лёгкое, но очень тёплое прикосновение к Георгию Васильевичу.

Где-то в начале весны 1986 года, в бытность мою главным редактором журнала «Смена», который выпускался тогда дважды в месяц полуторамиллионным тиражом и входил в разряд ярких, хорошо иллюстрированных, цветных, тонких, но в высшей степени интеллигентных изданий, признаваемых самыми разными группами читателей, в редакцию пришёл композитор Валерий Гаврилин. Вряд ли надо долго говорить, кто такой был Гаврилин: в высшей степени талантливый, новый и очень народный музыкальный сочинитель. Было хорошо известно, что он не только прямой ученик Свиридова, его последователь, но и безусловный продолжатель.

Валерий принёс в журнал статью о Свиридове. Просто так принёс, без всяких юбилейных, к примеру, поводов. И мы поставили её с ходу в текущий номер — 1416-й со дня основания «Смены», а проще — в тогдашний майский номер. Сопроводив чудесным портретом Свиридова работы великолепного Юры Селивёрстова. И всё. Валерий больше не появился, а я, подумав, отправил несколько экземпляров журнала Георгию Васильевичу домой по почте с вежливой записочкой, да и забыл об этом.

В начале сентября получаю большой пакет с пластинками и письмо Георгия Васильевича. На пластинке, конечно же, его гениальная музыка, а письмо — что ж, — письмо пришла пора обнародовать: в будущем году и эссе Валерия, и письму маэстро исполнится по 30 лет.

Однако печатать письмо без статьи Гаврилина бессмысленно, и я полагаю, что письмо — в начале, а далее — искреннее сочинение его ученика об учителе, может, и есть самое тёплое свидетельство почитания — и того, и другого...

Альберт ЛИХАНОВ,
октябрь 2015

Г. В. СВИРИДОВ – А. А. ЛИХАНОВУ

Уважаемый Альберт Анатольевич!

С большим опозданием из-за болезни отвечаю Вам. Спасибо за журнал, – рисунок Ю. И. Селиверстова прекрасен, и в печати ни капли не пострадал. Статья В. А. Гаврилина, разумеется, очень лестная для меня, хорошо, что Вы её напечатали целиком, не сокращая. Это делает честь Вашей пронизательности в отношении её автора. Ведь Валерий Гаврилин – истинно выдающийся человек и композитор, надежда нашей музыки, наше упование. Он очень талантлив, глубок и умён, самородным, т.е. редкостным умом (из сердца!).

Посылаю Вам на память (и делаю это с большим удовольствием) свои пластинки.

Желаю здоровья, бодрого настроения, творческих успехов!

С искренним уважением – Г. Свиридов.

4 сентября 1986. Москва – Дарьино.

ВАЛЕРИЙ ГАВРИЛИН

ВЫСОКОЕ И ЧИСТОЕ ЗВУЧАНИЕ

(опубликовано в журнале “Смена” № 1416, май 1986)

Фотография 41-го года. Город Бирск. Трое музыкантов музвзвода. На переднем плане – высокий худощавый молодой человек в очках, в шинели почти до пят, тяжелых кирзовых сапогах и пилотке. В его руках большой полковой барабан. Лицо строгое, даже суровое...

Георгий Свиридов.

Давно миновал тот первый военный год, одно лихолетье сменялось другим, мир пришел на смену войне, и был тот мир беспокойным для всех и для каждого. Горе и радости, разочарования и победы, сомнения и уверенность, болезни духа и здоровье обновления вихревыми клубами пеленали человеческие судьбы и характеры, и из пелены этой, как из коконов, нарождались в мир личности сильные, волевые, упрямые, надежные и верные. Возмужали и вошли в цвет новые Микулы Селяниновичи – Мальцев, Орловский, Старовойтов. Новый могучий Боян пел свои вещие песни – Твардовский. Расправил крылья и взлетел Астафьев. На ниве музыки трудился новый, доселе не слыханный оратай – Георгий Свиридов.

Новая музыка. Мир звуков. По обычаю мы называем его прекрасным. А он, как самая настоящая нива, разный. Ухоженный и засоренный, заброшенный или плодоносный, истощенный или удобренный. И растет всякое: и нужный для жизни человека злак, и объедающий его сорняк, и больное, и здоровое, и тихий, безропотный труженик дождевой червь, и коварная тля с разбойником паутиным клещом, сводящими на нет честное и тяжелое дело рук человеческих. А если и удастся собрать богатый урожай – судьба его часто печальна и трагична. Многие не доходят до потребителя и истлевают.

На ниве жизни, как на ниве сельской, по меткому замечанию Терентия Мальцева, идет вечный бой доброго и злого, нравственного и безнравственного, совестливого и бессовестного.

То же и на ниве музыки, которая есть, собственно, одно из полей сражения духовного с бездуховным, сражение двух начал – животного и разумного,

эгоистического и братского. И если будет отвоевана от всяческой напасти, выращена и употреблена в правильное дело музыка, не заглушающая голоса совести, не отвлекающая от сострадательных явлений сердца, не засоряющая духовное зрение, которое (по Л. Толстому) у всякого человека нацелено по направлению от зла к добру (как стрелка компаса с юга на север), и если не будет она сбивать с этого направления, – сражение будет выиграно.

Б. Шергин разделил людей по отношению их к искусству на три категории: первые – совсем простые, вторые – принимающие все без разбору (пустые души), третьи, для которых искусство – внешний возбудитель. А главное в человеке – внутренний мир, когда человеку не страшно остаться наедине с собою, ибо внутренний мир человека – это мир, отпочковавшийся от природы, от всей окружающей человека жизни во всей ее бесконечности и многообразии, и человек с внутренним миром всегда преисполнен действием. Ибо он невидимо растет, напитываясь соками жизни, даже покоя его динамичен, даже тишина для него – один из лучших гимнов жизни.

Юноша с большим барабаном, в шинели почти до пят смотрит с фотографии, сделанной в Бирске в далеком 41-м году. Правая рука с барабанной палочкой отведена далеко в сторону. Тишина. Удара нет.

Отгремят четыре года страшных боев во имя спасения человечества от коричнево-черной чумы, заразившей фашистским духом миллионы обывателей. В обывателе всегда две сущности, раб и властелин живут в нем одновременно, и власть над ним лишь одна – эгоизм, сугубая целесообразность. Это люди без света в душе, без внутреннего мира, с ослепшей совестью, ибо, как говорил Ш. Фурье, целесообразность, несогласная с природой, превращается в свою противоположность. Согласие же с природой состоит в любви к земле, Родине, почтении мудрости старших, сотворении пользы сегодняшней не в ущерб пользе грядущего, в памяти о достойно отошедших жизнях, в осознании родства с ними.

Юноша с барабаном держит руку с палочкой на отлете. Удара нет. Это фотография. Но фотография кончится, и начнется жизнь.

Грянет гром Свиридовской музыки, и зазвучит его сияющая, ослепительная тишина. Он вошел в музыкальное искусство с могучим, узнаваемым голосом, подобно мудрецу и философу, знающий высшие законы добра, знающий великие наставления величайших учителей человечества, познавший и красоту осененных сиянием внутреннего света людей, и пустыри заброшенных человеческих душ. Пришел как друг, брат, наставник, как живая память того доброго, вечного, что сохранила память его крови.

Нравственное положение художника – это миссия “временно командированного” с целью утверждения духовного начала в людях, утверждения закона братства между людьми, братского соединения с природой, изгнания потребительского, иждивенческого, порой изуверского к ней отношения ради личного комфорта, этого родственника лени телесной и сердечной, и – как следствие – лени нравственной; ради дорогого и никчемного времяпрепровождения; ради власти, пусть маленькой, пусть такой, какая дается обладателю бриллиантовых серег перед тем, кто имеет яхонтовые. Убийство природы с целью дразнить людей красотами и благами, которые не являются жизненной необходимостью ни для тела, ни для души, есть убийство совести, которое разносит по миру самую страшную бациллу – войны между людьми. Свиридов, как истинный ученик и последователь великих соотечественников, воспринял их представление о роли художника в мире, принял на себя их тревоги.

Но поскольку истина всегда всесветна, интернациональна, то и заветы великих людей всех времен и народов оказались ему близкими и дорогими и были приняты им как руководство к действию. И рамусовское – не употреблять искусства красноречия во имя лжи, и Лао-Цзы – не делать того, последствия чего не ясны, и платоновское – не подражать, ибо подражание меняет и голос, и самый дух, – все это и многое другое корректировало его работу, когда возводил Свиридов свою боевую башню в крепости отечественного искусства. Его музыка именно – боевая. Он знал, как много нужно, чтобы выстоять в схватке за торжество духовного над животным в человеке, как тяжела работа выдавливания из человека раба – по капле, как говорил Чехов, знал, как тяжело выстоять и укрепиться в самом мире музыки, где так много несовершенного, суеверного, затемненного, где так много подражаний истинной страсти вместо самой страсти, где трудится немало холодных душ,

одержимых (по Стендалю) злополучным намерением принести пользу искусству, где некоторые таланты забыли, что для публики настанет истинная радость лишь тогда, когда им, талантам, наскучит блистать (Стендаль), где так много сочинений и беспричинно умных, наполненных беспредметно накопившимся в груди авторов огнем, попевками и гармониями, родившимися не в сердце и даже не в голове, где-то в совершенно противоположных местах.

Немало ледяной, мудреной музыки, как будто она написана последователями Кая, чье сердце было заморожено поцелуем Снежной королевы. Это богатые, блистательные чертоги, где из звукового льда пытаются сложить символ вечности, но дело это бесперспективное – подобное творчество не выдерживает встречи с теплом слушательской души, – оно обращается в воду, теряет всякие очертания и смысл. Оно может существовать только закрыто и потому бесцельно. Немало талантов поддельных, искусственных.

Истинный “талант учит чести” (Б. Пастернак), воспитывает в художнике чувство чести. В действительности талантами порой называют хватких приспособленцев, смекнувших, как удержаться на поверхности. Истинный талант в таком положении либо гибнет (тот, что послабее), либо выбирается на чистое, здоровое место (тот, что сильнее). Талант Свиридова и истинен, и могуч. И он научил его высокой чести, чести, равной и для Свиридова-художника, и для Свиридова-гражданина. Он пришел в музыку не как раб искусства, но как строителем, с достоинством и ответственностью за дело, для которого он “временно командирован”, и время это растянулось на всю его жизнь. Пришел не как фанатик, одержимый, одурманенный профессией, а как человек, умеющий найти ей нужное место, определить, где, какая, когда и кому нужна именно звуковая материя в помощь и поддержку зреющему или неокрепшему доброму духовному движению. В труде и поисках этих он беспощаден к себе, его талант управляет его честью, честь управляет талантом, как самое твердое правило управляет руками строителя, желающего добиться безупречной кладки.

Н. Лесков писал: “Искусство – это то же монашество: оставь человек отца и мать, бери свой крест служения и иди на жертву, а то ничего не будет. Художнику надо вечно хранить в себе святое недовольство собою, а это мука”.

Юноша в шинели, замерший перед ударом в висящий на плече большой барабан, был готов к этой муке, к жертвенности и к опасности быть непонятым. И прежде всего потому, что хотел сделать музыку глубоких, чистых и добрых чувств понятной. Предстояло разбить предрассудок, живущий в среде музыкантов, что настоящая музыка лишь для избранных, забывая о другой музыке, тоже настоящей, но которая во все времена и у всех народов была понятна и дорога всем – о музыке народной и о музыке культовой, музыке, выражающей общие для всех людей чувства и тем самым роднящей их.

Стало быть, если музыка непонятна, непонятно ее состояние, а непонятно потому, что не находит отклика в душевном и духовном опыте людей, не находит отзвука в их сознании. Часто мешает излишнее украшательство, интересное само по себе, но не раскрывающее никакой тайны, ни самобытности характера, а отвечающее лишь преходящим, временным, сменяющимся представлениям об изящном и прекрасном, распространенным в том или ином клане общества. Это своего рода “уснащения”, так хорошо высмеянные Гоголем в рассказе почтмейстера о капитане Копейкине. Гоголем же высмеяна и “высокоученая” манера переделывать речь на “юс”.

Много таких “юсов” и в музыке, и выдаются они за знак принадлежности к общемировой культуре, хотя на деле тормозят ее развитие.

Музыка братства – вот задача жизни Свиридова. И для решения ее он ищет ключ в опыте великих композиторов прошлого и в опыте своих современников, зарубежных и отечественных, что-то принимает, что-то отвергает, сопоставляет свои и чужие находки и промахи, находит свое решение, выходит на свой, никем еще не торенный путь, но целиком лежащий в русле великих гуманистических традиций мирового искусства.

Дерзость Свиридова поразила музыкальный мир, как потом поразила всех его стойкость на избранном пути. Творя в эпоху, когда царицей музыки была повенчана симфония, Свиридов, блестяще владея техникой симфонического разработанного письма (Шостакович писал о нем: “врожденный симфонист”), почти полностью от него отказался. Нормой высказывания он избрал исключительно мелодию, причем не просто мелодию, а мелодию точную

и емкую, как красиво составленная математическая формула, занимающая в написании меньше строки, а расшифровка которой иногда едва умещается в целый том. Свиридовские звучащие формулы духовности расшифровываются мгновенно в аппарате души слушателя, и разрастаются до размеров глобальных, и делают свое спасительное дело.

Состав свиридовской речи сложен. На ее склад повлияли и благороднейшие начала российского древнего общинного, братского музицирования, и эстетические традиции многих поколений трудового люда деревни и города, и сложный букет чужезычной музыки, прижившейся в России и ставшей уже постепенно родной, и, конечно, извечная, всенародная любовь к главному музыкальному инструменту всех времен и народов – человеческому голосу, как к единичному, так и в олимпийском его виде – к хору. Хоровое пение – самый точный барометр погоды внутри общества. Во все моменты истории, когда общественное настроение устремлялось к лучшему – расцветало хоровое искусство. Хоровое пение было искусством первых христиан – могильщиков римского рабства. Хоровая многоголосица молодой буржуазии пришла на смену одноголосию труверов и миннезингеров – певцов отмирающего рыцарства. Народные освободительные движения, революция, восстания – это каждый раз новое хоровое искусство: гуситы в Чехии, коммунары Парижа, коммунисты красного Питера жили, боролись и погибали с братской хоровой песней на устах.

В наше тревожное время, когда мысли всего человечества нацелены на одно: спасение мира, спасение жизни, спасение природы, – расцвело грандиозное хоровое творчество Г. Свиридова. Оно грандиозно и по темам, и по широте охвата главнейших явлений века, и по величавой простоте высказывания.

Он поет о революции, о Ленине, он слагает гимны Родине, ее полям, просторам, облакам, ее людям – дедам, отцам, матерям, детям.

Он дарит изумительный звуковой венок поэзии великого Пушкина и показывает нам его поэзию еще более полной, ясной, еще более прекрасной и живой.

Собственно, он одел в такие венки почти всю русскую поэзию, и благодаря именно ему обрели новую жизнь в музыке и Лермонтов, и Некрасов, и Блок, и Хлебников, и Пастернак, и даже поэт, до него никому не дававшийся – Вл. Маяковский. Причем “Патетическая оратория”, сочиненная на стихи Маяковского, стала одним из самых популярных сочинений нашего времени и, что самое поразительное, несмотря на огромные размеры и сложность, – самым массовым по числу и составу исполнителей и самым массовым по числу слушателей: оратория вышла на улицы и площади городов и поистине сделалась сочинением “тысячи участников”.

Так прогремел один из ударов, сделанный молоденьким музыкантом с фотографии, снятой в городе Бирске.

Изменивший Родине – изменщик всему человечеству, убивающий природу – убивец самого себя. Память сердца сильна в Свиридове. Она заставляет его снова и снова неустанно говорить об одном и том же – о смысле жизни, о месте человека под солнцем, о красоте природы и о слиянности человека с ней. В его руках уже не барабан – колокол, извечный вестник и невзгод народных, и радостей, один звук которого способен вернуть, напомнить, оживить давно ушедшее. Распадаясь на тысячи обертонов, он, кажется, осыпает ими все что ни есть сущего на земле, разлетается по поднебесью, золотыми каплями плывет в ручьях, реках и океанах, напityвает землю с ее соками, поднимается во все растущее и рождающееся от земли и кормящееся ее дарами.

Музыка Свиридова вся в звонах. Одной колокольно задуманной нотой он в состоянии всколыхнуть в человеке то, что другому не под силу добиться двумя сотнями густо усеянных нотными знаками страны. Эта скупая свиридовская щедрость – от народной культуры. Речь его незатейлива и волнующая, как пение соловья. Это не тот, чуждо техники, механический соловей из сказки Андерсена, а дитя природы и обыкновенный, не заводной, а живой соловей. Птица весны, любви, пробуждения. Но вместе с тем Свиридов – певец для умудренных или стремящихся к познанию зрелых радостей, непреходящих ценностей, красот всего круга человеческого века, не только весенней поры цветения, но и поры летнего роста, и осеннего созревания и подношения, и зимнего сна – навеки или до будущей весны. Подобно Пушкину, Свиридов “приемлет жизнь” и здраво умеет отделить зерно от плевел и в негодо-

вании на несовершенство мира не призывает на него все кары небесные. Он знает, что зло не вытравить злом, и, воспевая доброе в мире, увеличивает силу добра, которое одно способно источить все злое, подобно тому, как вода способна источить камень.

Гений Свиридова мужествен. Он любит свой народ и поет о нем и для него. Это не салонное мужиколубие, не специально изобретенный народно-музыкальный язык, пригодный только для научных анализов в специальных музучреждениях (как есть специально математический, медицинский, газетный языки, ни на что более не годные), это и не повседневная общедоступная песня.

Это нечто новое, основанное на глубинном проникновении в тайное тайных народного музыкально-поэтического мышления и осознания нравственных критериев народной культуры в высших ее проявлениях. Отсюда и подлинно народный склад творчества Свиридова: в нем нет ничего от пресловутой “самости”, так привившейся в среде деятелей искусства, нет “ячества”, нет стремления поразить звуковым риторством, краснобайством, нет роскошных путешествий к цитатам, к книжно-нотному знанию (в музыке это называется полипластикой). Оно есть, это знание, причем огромное и глубокое знание мировой музыки, но оно синтезируется в короткую, как озарение, программу, которая дешифруется уже слушателями – так она ярка и прозрачна при всей своей глубине. Свиридов опускает, не выносит слушателям сам процесс рождения образа мысли, как это делают традиционные симфонисты, он показывает только результат.

Свиридовское немногозвучие сродни скупому убранству крестьянского дома, сродни той суровости, с которой труженик отбирает для себя у природы только нужное, необходимое для тела, для дела и для души.

Был в каждой русской избе красный угол, украшенный рушниками с замысловатым узорочьем. Мы все еще плохо знаем тайны русской орнаментики, деревянного и плетеного узорочья. Многое знание заключено в них, многие сведения, быть может, не меньшие, чем в астро-математическом устройстве египетских пирамид. Когда же любишь графически отточенными линиями свиридовских мелодий, кажется, что посредством своей музыки он познал и передает нам для сохранения в памяти смысл символов русского узора, иначе просто не определить природу происхождения целого ряда его картин-образов, например, ошеломляюще, колдовски прекрасной части “Колокола и рожки” из его “Весенней кантаты”, посвященной памяти А. Твардовского.

По русской философской традиции Свиридов отождествляет красоту с добром. У маленького Ф. Достоевского была любовь: маленькая, хрупкая, почти прозрачная девочка, чья девятилетняя жизнь была оборвана жутко и грязно. Достоевский запомнил ее на всю жизнь как первую наставницу в том, как надо глядеть на мир. “Посмотри, какой красивый, какой добрый цветок!” – говорила она. О чем бы ни сочинял музыку Свиридов, девизом своего отношения к миру он мог бы повторить эти слова: “Посмотрите, какой красивый, какой добрый”... Но и грозный. Печален и строг лик многих его творений. Но и в них, как, например, в потрясающей по силе воздействия кантате “Светлый гость” (на слова Есенина), ощущение тревоги, нравственных тягот воспринимается как откровение.

Пессимизм чужд мировоззрению Свиридова. С этой точки зрения любопытно обратить внимание на один из элементов-символов его музыки, воспринятой композитором от почитаемого им Мусоргского. Это знаменитая попевка-стон из пения Юродивого (“Борис Годунов”), В одной из самых грустных песен цикла “Отчалившая Русь” (“По-осеннему”), где герой – поэт прощается с молодостью, с силой, красотой, с песенной порой своей жизни, ожидает увядания и ухода на вечный покой, – это попевка-стон сопровождает всю речь поэта. Но в самом трагичном месте, когда уходящий поэт восклицает: “Новый с поля придет поэт!” – музыка вдруг взлетает широко, могуче, празднично, слезы, стон на мгновение останавливаются, потому что это мгновение великое – торжественное приветствие поэтом своего грядущего преемника, нового времени, новых песен, короткий приветный салют продолжению жизни.

Есть у Свиридова в сюите “Время, вперед!” часть под названием “Маленький фокстрот”. Это видение прекрасного мира, почти сказочного, подобного тем, что умели увидеть Т. Мор в своей “Утопии” или Кампанелла в “Городе Солнца”, – мир красоты, мудрости, гордых, сильных и молодых людей.

И посреди этого лучистого мира звучит музыка от древнего московского старца, оживленная гением далекого Мусоргского, но она уже не будоражит, не стонет, не плачет: она звучит, как нежная, убаюкивающая песня, как лапка близкого человека.

Так развивает Свиридов отечественную музыкальную традицию, доводя ее до слияния с высочайшими, гуманистическими традициями общемировой мысли. Многие его творения по форме своей – фрески, и по глубине и широте философского охвата сродни творениям величайших мастеров Возрождения. Микеланджеловская мощь и размах слышатся в увертюре-фреске “Время, вперед!”. Музыка эта давно стала символом нашей действительности, но она столь исторична, столь диалектична по сути своей, что свободно может быть выведена как из глубины времен, так и из современности и точно так же устремлена в будущее. Ветер времени... Бег его неумолим, грозен и яростен. Вечный бой, без остановок, без покоя, отчаянный натиск сменяется торжеством победы, новый штурм, новая победа, и так без конца. Музыка увертюры не кончается, автор просто прекращает ее, потому что нет и не может быть конца движению истории, где героические судьбы строителей нашей советской жизни сливаются с героическими судьбами Т. Мора, П. Рамуса, Т. Кампанеллы, декабристов, гуситов, коммунаров, народовольцев, большевиков-ленинцев, сливаясь в едином устремлении – вперед!

Свой народ Свиридов рассматривает как одну из многочисленных семей мирового поселения. Как все настоящие люди, он хочет, чтобы все семьи планеты жили в мире, добром согласии и помогали бы друг другу. Как художник, художник-интернационалист, он разрабатывает отечественные духовные богатства и вносит их весомым вкладом в сокровищницу общечеловеческого богатства. Прикасаясь же к духовному достоянию других народов, он обогащает культуру родного народа, сближая ее с культурой всего человечества. Здесь его заслуги трудно переоценить: созданные им музыкальные прочтения поэзии шотландца Р. Бернса, армянина А. Исаакяна по значению своему для русской музыки можно сравнить с тем значением, какое имели для русской литературы переводы Гомера, выполненные В. Жуковским, а для украинской – Вергилиева “Энеида”, переложенная И. Котляревским.

Свиридов один из самых, а может быть, самый многообещающий композитор из всех современных русских мастеров академической школы. Он прекрасно знает природу и секреты человеческого голоса, его мелодии удобны для исполнения, в них всегда есть простор, где артист может проявить собственную инициативу и не чувствовать себя в тисках сугубой композиторской воли. Но блеснуть в его музыке трудно, почти невозможно. Она не терпит ничего наружного, внешнего, она требует от артиста единоверия с композитором, осознания того, что сущность свиридовской музыки не в том, чтобы отвлекать, ослеплять, а в том, чтобы будить, просветлять.

И слава композитора – мировая, всенародная, но не шумная, как нет шумной, крикливой славы у всего, без чего человек жить не может: у хлеба, у воды, у воздуха. Мы их не замечаем, иногда даже забываем об их существовании. Мы не говорим о хлебе, воде, воздухе потому, что все это есть. А говорим, и громко говорим, когда перестает хватать или исчезает вовсе. Это значит, пришла беда.

Свиридов – художник-труженик, боец на сторожевом посту, то звоном колокола, то громом барабана будящий в людях тревогу, зовущий к бдительности перед опасностью черноты, грозящей миру, и охраняющий веру в грядущее светлое будущее, сливанное с природой человека. Сын русского народа, сын ее истории, дитя памяти народной, он сам стал воплощенной памятью, прозревающей будущее и сохраняющей свет минувших времен для времени сегодняшнего. Чтобы стало еще светлее, еще виднее. Это чудо, новоявление, но для быстро ко всему привыкающих современников оно стало уже привычным. И появившись сейчас вдруг какой-нибудь пришелец и спроси он: “Откуда сие?” – в ответ услышал бы, вероятно: “Да оно всегда было!” И, наверное, был бы прав: Свиридов был всегда, он вырастал и шел через века и поколения к нам, в двадцатый век, впитывая в себя все, чем живы были люди, выделившие его из себя как вестника братства и единения всех живых и ушедших.